

Под утро за макушку Сорочьей сосны зацепилась набитая дождём туча, но в прореху посыпалась пшеница. Никудин Ниоткудович улыбнулся во сне, и тут как раз защекотало в пятках.

– Проша!

Проша, фырча и побряхтывая, залез под кровать, упёрся в неё спиною, постель взгорбилась, потом ухнула, взгорбилась – ухнула.

– Уймись! – простонал Никудин Ниоткудович и поднялся. – Доволен?

Проша помалкивал и не показывался.

Никудин Ниоткудович умылся, взял ведро и через сени пошёл в хлев доить корову Королеву.

Дворовый по имени Сеня прятался за кадушкой. Запах парного молока был так вкусен, что Сеня высунул язык и шевелил ушами.

Королева дала полное ведро, и Дворовый был очень доволен: покой и достаток в хлеву – его забота.

Никудин Ниоткудович отлил молочка в глиняную плошку и с ведром в руке распахнул ворота.

Королева и солнце вышли друг другу навстречу.

Солнце оторвалось от земли, просияло, и тотчас скворец Дразнила вздохнул по-коровьи, стрекотнул по-сорочьи и кукарекнул по-петушиному. Петух Пётр Петрович обиженно посмотрел на Дразнилу, но связываться не пожелал.

Солнце, улучив минуту, заползло за тучу, потянулось спросонья и явилось над миром во всём своём сиянии.

— Доброе утречко! — поздоровался Никудин Ниоткудович с новым днём, с лесом, с лугом, со всем своим кордоном. Он был лесник, ответчик за порядок в Златоборье.

Чай пили из самовара с прошлогодней клюковкой, с первым, горчащим одуванчиками медком.

— Ну как, Проша? — Никудин Ниоткудович капнул мёдом на стол.

Проша по кадкам, кринкам не лазил, из посуды не лакомился, но до пролитого, обронённого был превеликий охотник.

Космат не космат, может, и космат, лицом и глазками в хозяина, у Никудина Ниоткудовича лицо

с морщинками-добринками, а глаза – летние, незабудки с теплом. Лапки у Проши – как игрушечные, не страшные, да и росту он тоже не страшного – с валенок. Про страхи вспомнить здесь в самую пору, потому что Проша был Домовым.

– Сладко, что ли? – спросил про мёд лесник.

Проша только лапоточком под столом покачал.

В окошко вдруг шишкой кинули.

– Слышишь? – спросил лесник.

Проша фыркнул и отвернулся.

Прильнув к окошку, в избу заглядывал кто-то заросший мхом и такой корявенький, что не знаешь, как и сказать.

— Хозяин! — обрадовался Никудин Ниоткудович, распахивая окошко. — Полезай. Проша, а ты куда?

Но Проша треснулся с лавки об пол и пропал.

«Ревнует меня к Лешему», — вздохнул лесник. За все пятьдесят лет ему ни разу не удалось посадить за один стол своего Домового и своего Лесовика.

Обиды

С Лешим выпили два самовара. Гость на Водяного пожаловался.

У Водяного мозги, видно, заилило, подмыл берег Семиструйного ручья, уронил в ручей сосну, из одного только озорства перелесок затопил. Мох в том перелеске – ласковый, зелёный – Лешачья постель.

– Насквозь промочил! – жаловался Хозяин Никудину Ниоткудовичу.

Кругленький трутовик, который был Лешему вместо носа, сморщился вдруг, дёрнулся, и Леший чихнул, успев-таки высунуться в окошко. Эхо брякнуло по бору, будто кто пустую банку поддал.

В это время откуда-то сверху раздалось ужасно превесёлое:

– Пи-чи-хи! Пи-чи-хи! Пи-чи-хи!

Леший недоуменно воззрился на Никудина Ниоткудовича:

– Кто это?

– Скворец!

Леший покрутил шестипалой рукою нос и, совершенно разобидевшись, спиною вывалился из окошка.

– Почтеннейший! – вскричал ему вослед Никудин Ниоткудович, но Леший уж ломился по лесу, только треск стоял. – Эх, Дразнила, Дразнила! – попрекнул лесник скворца. – Обижать легко – мириться трудно.

Нужно было спешить на Семиструйный ручей – разгородить плотину, построенную Водяным ради шалости. Никудин Ниоткудович взял топор, пилу, верёвку – и тут вспомнил, что сегодня Даша-внучка прибежит бобы сажать. Вздохнул. 30 мая по-старому для лесного народца – день тревожный: змеи свадьбы гуляют.

...Водяной уронил в Семиструйный ручей Родимую сосну. Две сотни лет шумела она на ветрах. У Никудина Ниоткудовича слёзы так и покатались из глаз.

– Что же ты наделал, раскоряка болотная! – закричал он на Водяного.

Тот ни гу-гу, будто его и нет. На воде ни морщинки. Лягушки, и те помалкивают.

— На пятнадцать бы суток тебя, хулигана! — угрозил лесник болоту строгим пальцем. — Ах, глупость-то какая! Водяной, а сам себя воды лишает. Вот нагрянут осушители, спустят воду из твоего болота, закукуешь, да поздно будет.

Снял Никудин Ниоткудович мундир, сапоги — и в воду: Родимую всему Златоборью сосну на чурки пилить.

Правду сказать, осушителей Никудин Ниоткудович и сам боялся: загубить лес для них дело скорое. Спрямят ручей, обезводят болото, а там и пожар, и житья лесному народу никакого.

Дашины страсти

Даша с бидоном в руках торопилась к дедушке на кордон. В бидоне у неё были бобы и озимая вода. Воду натопили из снега, залежавшегося в лесном овражке. Вымоченные в озимой воде бобы растут не по дням — по часам. У Даши была одна задумочка про бобы, вот она и размечталась. И вдруг! На тропе, на самой середине — куст земляники с красной ягодой. На обочине — ещё ягода. За ореховым кустом ещё. Под берёзой, возле коровьего копытца, за канавою... У Лешего одна шутка — человека с дороги увести. Чем страшнее человеку, тем Лешему веселей.

Спохватилась Даша: куда это она забрела? Справа крапива стеной, позади ельник, такой тесный, что меж ёлок и не просунешься. Слева чёрное болото, кочки даже на вид ненадёжные. И только впереди изумрудный ласковый мох. Над мхами камни: чёрный, белый, красный.

Вдруг по крапиве шорохи пошли. Там шуршит, здесь шуршит, у самых ног. Даша скок на чёрный камень. Смотрит – змеи колесом идут. Вокруг её чёрного камня гадюки хороводят. Шипят, жала трепещут. Перепрыгнула Даша на белый камень. А вокруг белого камня своё веселие. Тут и полозы, и медянки, и такой удав вокруг камня обвился, что камень дрожит, шевелится. Даша – на красный, на самый большой камень. И здесь гулянье. Да только не змеиное – ужиное. Успокоилась Даша. Златоголовый уж гадюку близко не подпустит.

Смотрит Даша: гадюки в саночки садятся, вместо лошадей у них мыши серые. Свистнули гадюки по-гадючьи, и умчался их поезд через жгучую крапиву. Отправился поезд и от белого камня. Этот тянули горностайки, и ушёл он в частый ельник. От красного камня на красавицах выдрах ужиная свадьба покатила в болото.

Смотрит Даша: на чёрном камне чёрный перстень, на белом – серебряный, на красном – медный. Не тронула перстеньков девочка, помнила мамино строгое правило: не тобой положено, не тобой возьмётся.

Заторопилась Даша прочь от змеиного места – по зелёным мхам.

Сначала посуху, а потом под ногами захлюпало, зачавкало. Забралась Даша в болото. Тут её ещё один шутник поджидал.

Когда Водяной хохочет, вода пузырится. Стоит Даша на коряге, а кругом пузырьки снизу вверх цепочками взлетают. И как что-то забарахтается, как захлопает на острове, где осина дрожмя дрожит.

— Что же это я, лесникова внучка, в лесу плутаю? — смутилась Даша. — Куда меня страх загнал? Дедушкина сторожка окнами к озеру, а болото уж за озером. Вон какой крюк сделала!

Не успела сообразить, куда ей дальше идти, как перед корягой пузырь вспучился. Да всё круглей, круглей, а в пузыре космы нечёсанные, зелёные, раки вместо щёк, ракушки вместо губ, в глазищах не зрачки — медведки косматенькие.

— Ма-ма!

Сиганула Даша над пузырьём на остров, где барахталось, а ей крыльями по голове, да ещё дурным голосом завопило.

Смотрит Даша: в осоке дедушкина лодка, что в половодье пропала. Вёсла на месте. Даша в лодку, толкнулась веслом, и прощай остров Дрожащей осины! Через осоку, по кувшинкам выгребла на

протоку, на чистую воду... Вздохнула наконец. И тут – ах, смешная! Из-под передней скамейки выскочила куница. Забежала на самый нос лодки, туда-сюда головой вертит: человек вот он – страшно, и вода кругом – тоже страшно. Так и плыла Даша с куницей и приплыла к Семиструйному ручью.

Никудина Ниоткудовича здесь уже не было. Он разгородил плотину и пошёл встречать внуку.

Пристала Даша к берегу, куница скакнула – и была такова. А девочке не до куницы – вместо Родимой сосны корни, как огромный паук, да распиленные дедушкой чурки.

Прибежала Даша в сторожку, а дедушки нет. То ли в лесничество ушёл о сосне рассказывать, то ли расстроился и по лесу бродит.

Первым делом Даша пошла в огород и посадила грядку бобов, а один бобок, самый крупный, принесла в сторожку и бросила в подполье. Это и была её тайная задумка. Хотелось Даше, чтоб бобовый росток принялся, как в сказке, расти, и чтоб пол пророс, и крышу, чтоб до самого неба достал. Нравилось ей сказкам верить, а в сказке бобок вырос так высоко, что хозяин избы к солнцу в гости ходил.

Дедушки всё нет и нет.

Решила Даша прибрать в сторожке. Наклонилась веник взять, а он из-под руки вывернулся и пошёл ходить по полу, пыль взметая. Даша попятилась, толкнула дверь, а в дверях ступа стоит, и пестик сам собою толчёт в ступе воду. Брызги так и летят. Даша на дедушкину постель, одеялом с головой укрылась. Да только чувствует, кровать поднимается, да и полетела, об углы стучаясь.

Даша не кричит, помалкивает. О чудесах дедушкиной сторожки она немножко знала. Но чтоб на кровати летать, да среди бела дня!

Вдруг скрипнула дверь, и кровать тотчас брякнулась на все четыре ножки.

– Так! – сказал дедушка. – Внучку пугать взялись! Даша уже выбралась из-под одеяла и храбро улыбалась.

– Я, дедушка, ничего. Я не очень... испугалась.

– Ну и молодец, а с этими я уже побеседую. Как же это мы с тобой разошлись? Тропинка-то одна.

Рассказала Даша и про ягоды, и про плавание. Дедушка туча тучей, она его успокаивает:

– Дедушка, всё ведь хорошо кончилось. Даже лодка нашлась. Одну сосну Родимую жалко.

– Ужо будет им! – пообещал дедушка. – Бобы-то где?

– Да в грядке сидят.

– Ах, молодец! Работница наша.

– Какая же работница. – Даша покосилась на веник, на кровать, стоящую посреди избы, и вздохнула.

– Сей миг всё будет на месте, – сказал дедушка. – Пирогам тебя угощу из сушёной черники да черёмухи.

– Пирог – долгое дело, дедушка. Печь ведь надо протопить.

– У кого долгое, да не у нас. Пошли на лужок, цветы проведаем.

Колокольчики, ромашки, иван-да-марья, алые часики так тесно окружили их, что ступить было некуда.

– Это Даша, внучка моя! – говорил цветам Никудин Ниоткудович. – Хорошая девочка, цветов зря не срывает, бобы посадила.

К дедушке подлетали бабочки, пчёлы, шмели. Садилась ему на плечи, на бороду.

И тут Дашу укусил в ногу муравей. Да пребольно!

– За что он меня, противный?! – рассердилась Даша.

– Да ты же норку закрыла! – покачал головою дедушка. – Я бы на твоём месте извинился.

– Извините, – сказала Даша муравьям.

– Ладно, пошли пироги есть, – сказал дедушка, вроде бы не шутил.

И вот ведь чудо: когда они вошли в избу, всё в ней блистало чистотой, стол был накрыт и на большом блюде попыхивали румяными боками заказанные дедушкой пироги с сушёной черникой и черёмухой.

– Дедушка! – Даша вздохнула. – Дедушка, научи меня чудесам.

– Какой из меня учитель, – развёл руками дедушка. – Переселяйся ко мне на лето. Сама всему и научишься. Сегодня переночуй дома, а утром собери рюкзак и перебирайся ко мне хоть до первого сентября.

